

Карусель истории. Глава 5. Книга «Пространство возможностей»

А.А. Брудный

Предисловие к публикации

Прошло уже два года с тех пор, как ушел из жизни известный философ, психолог, лингвист Арон Абрамович Брудный (1932–2011), доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Национальной Академии наук Киргизской Республики. Редколлегия надеется, что запоздалость нашей реакции на кончину ученого компенсируется настоящей публикацией его работы. Хотя вся жизнь Арона Абрамовича прошла в Киргизии, он часто (включая, конечно, годы, проведенные им в аспирантуре Института философии АН СССР) радовал нас своими приездами в Москву. Для многих его друзей, слушателей лекций, читателей и почитателей встречи с ним оказывались незабываемыми событиями. Он был человеком исключительного понимания — понимания глубокого, творческого, симпатического, всегда неожиданного, которым он щедро делился в лекциях, статьях, книгах и в нескончаемых разговорах. И значительная часть его научных поисков и размышлений была посвящена все тому же пониманию того, что такое понимание. Он как бы принял вызов Нильса Бора, который на вопрос: «Можно ли понять атом?» сказал: «Думаю, что можно, но до этого нужно понять, а что такое понимание?»

Арон Абрамович, наряду с Э.В. Ильенковым, Г.С. Батищевым, В.В. Бибихиным, М.К. Мамардашвили, В.С. Швыревым и др., внес большой вклад в философскую психологию, которая, к счастью, никуда не делась после эмансипации психологии от философии. Он сам предпочитал называть область своих раздумий философской антропологией, чему соответствовали глубина и размах его культурных ассоциаций. В этом проявлялась его забота о читателе, слушателе, которым он стремился донести смысл философем. Подобно М.М. Бахтину, А.А. Брудный искал смысл в зазоре, в пространстве (или в пустоте) между вопросом и ответом. Такое пространство он называл пространством возможностей. Усилителями понимания будущего для него были помогающее всматриваться в настоящее прошлое, и настоящее, помогающее всматриваться в прошлое. Вот такой странный хронотоп Брудного, помогающий приоткрывать нам смысл, понимаемый как возможное направление развития культуры, а участие в этом развитии как смысл нашей жизни.

Отдавая дань светлой памяти философа, журнал публикует (с небольшими сокращениями) главу из книги А.А. Брудного «Пространство возможностей: Введение в исследование реальностей» (Бишкек. Илим, 1999. — 388 с.), изданной мизерным тиражом и сразу ставшей библиографической редкостью. В ней проглядывает стиль его полифонического (философского, психологического и художественного) мышления.

В.П. Зинченко

Так повернём истории карусель, Как сказал Жан-Жак Руссель!
— Не Руссель, товарищ, а Руссо! Хорошо. В таком случае — колесо.

Михаил Вольгин

История: что это такое?

Что следует понимать под термином «история»? История — это бинарный термин, то есть он имеет два значения. Под «историей» подразумевается:

1) реальный процесс существования человечества от доисторических времен до настоящего времени;

2) наука, изучающая этот процесс. А поскольку наукам учат, под историей подразумевают также учебную дисциплину.

Эта наука сложилась на основе изучения вещественных продуктов человеческой деятельности и анализа повествований, т. е. рассказов реальных лиц и сообщений о реальных фактах. Таким рассказам часто сопутствовала оценка событий.

На этой основе возникло представление о смысле происходившего с людьми.

Один из персонажей Олдоса Хаксли, alter ego автора, говорит о себе (с должной самоиронией): «Я должно быть недостаточно цивилизован и предпочитаю смысл. Потому, если мне нужна философия истории, я обращаюсь к психологам»¹.

А почему именно к психологам?

Надо думать, не только потому, что исторический процесс включает в себя мысли и поступки людей и даже состоит из них, но еще и потому, что исторические факты с неизбежностью порождают собственные оценки. Так они влияют на сознание людей. Люди неравнодушны к фактам.

В особенности — к историческим.

Беда (но не вина) истории состоит в том, что она не в силах отказаться от оценок. А «урок, преподносимый нам интеллектуальным развитием человечества, ясен: науки оказывались плодотворными и, следовательно, в конечном счете — практически полезными в той мере, в какой они сознательно отходили от древнего антропоцентризма в понимании добра и зла. Мы сегодня посмеялись бы над химиком, вздумавшим отделить злые газы, вроде хлора, от добрых, вроде кислорода. И хотя химия в начале своего развития принимала такую классификацию, застряв на этом, — она бы очень мало преуспела в изучении веществ»². Но история имеет дело не с веществами, а с существами.

М. Блок, автор труда, из которого вы прочли здесь выдержку, завершил свое завещание словами: «Я умираю, как и жил, добрым французом». В 1944 г. он был задержан сотрудниками немецкой военной контрразведки (абвера) и расстрелян как активный участник движения Сопротивления. Он не считал, что Франция потерпела поражение. Он различал добро и зло. Он был порядочным человеком.

Но является ли человек главной фигурой исторического процесса? Да. Именно люди делают историю. Здесь имеются в виду не только и не столько исторические личности, сколько особенности и свойства самого человека и мира, в котором он живет.

Что есть история как реальность? История — это движение человечества по стреле времени. Факт существования системы «прошлое — настоящее — будущее» не вызывает сомнений. Проблема состоит лишь в связи между прошлым, настоящим и будущим. От того, какова эта связь (если она есть), зависит, удастся ли людям расширить сферу своих возможностей, продлить существование человечества в обозримом будущем.

Существование человечества есть проявление и следствие его жизнеспособности.

Высокая жизнеспособность человечества издавна определялась четырьмя неравнозначными факторами.

Первый фактор — реализация способности к труду и способности проектировать и использовать его продукты.

Второй фактор — наличие кладеза природных ресурсов, позволяющего черпать энергоносители и находить возобновляемые источники средств к существованию.

Третьим фактором была известная популяционная разобщенность — ведь эпидемия чумы в Европе до XVI века вообще никак не могла повлиять на жизнь миллионов людей, населяющих обе Америки. Отдельные заболевания, которыми страдали жители американского континента, оставались по существу неизвестными в Евразии. А для сотен миллионов жителей Азии оставалась и, к счастью, остается неизведанной сонная болезнь, они и понятия не имеют о мухе цеце. Деяния Ци Шихуанди не только никак не затронули жителей тогдашней Европы, но по существу остались для них совершенно неизвестными.

И, наконец, четвертый фактор. Это базисный фактор — способность человека к самовоспроизведению, половой отбор, производство человека человеком. Это первооснова, вне которой несущественны и все остальные. И напротив, все остальные так или иначе способны повлиять на нее.

Если принять эту концепцию, человечество сейчас переживает переломный момент. Значение четырех факторов может сменить знак на противоположный.

Первый фактор включает способность проектировать и создавать орудия защиты и нападения. Он обратился в способность создавать абсолютное оружие, оружие, угрожающее самому существованию человечества. Есть надежда, что оружие это не будет пущено в ход. Но это надежда. Только надежда.

---

¹ Хаксли О. Через много лет // Иностранная литература. 1993. № 4. С. 162.

² Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 122.

Второй фактор всегда был связан с опасностями экологического порядка. Теперь уже ясно, что у кладезя природы оказалось двойное дно. Но экологическая опасность, когда она осознана, может быть и снижена. Бесспорно, уголь и нефть не возобновляются в недрах нашей планеты по мере того, как эти вещества добывают. Атомная энергия опасна как таковая — ошибки в ее использовании чреваты роковыми последствиями, а людям свойственно ошибаться. Но есть надежда на водородные двигатели, энергостанции, использующие энергию Солнца, морских приливов, естественной разницы температур.

Значение третьего фактора изменяется на наших глазах. Отчаянные попытки сохранить те или иные формы разобщенности, уничтожить людей по этническому или классовому признакам, воздвигать идеологические, религиозные, политические и этнопсихологические барьеры — все это было в XX веке и оказалось безрезультатным.

Вообще в XX веке человечество поспешно повторило пройденное. От рабства до попыток заглянуть в будущее, в золотой век. Танки и военные грузовики проехали по исхоженным некогда дорогам. Будет ли этот процесс продолжаться или он уже приостановился? Ведь наступление XXI века, 2001 год — рубеж условный.

На смену разобщенности приходит рост масштабов информационного контакта. Нельзя исключить, что контакт этот сможет принести и известную пользу. Его значение следует оценивать с осторожностью.

Четвертый фактор продолжает существовать как иррациональный и неуправляемый. Необходимость управлять им, тактично именуемая «планированием семьи», не является общепризнанной. Я повидал самых разнообразных сторонников вмешательства в процесс полового отбора — от маниакальных адептов евгеники до общительных индусов и сдержанных китайцев — и слушал их вполне рациональные доводы со смешанным чувством. Я не мог избавиться от ощущения, что разум тут проникает в сферу, ему не подвластную, и одновременно понимал, что современные попытки регулировать рождаемость представляют собой необходимую, хотя и не самую важную часть движения в будущее. Разум не может руководить этим процессом. И никто не может. Но он в этом участвует.

Попытки оценить влияние разума на историю зачастую связаны с употреблением таких фразеологизмов, как, например «уроки истории», «исторические ошибки». Если признать, что «исторические ошибки» действительно имеют место, то приходится согласиться и с тем, что многие исторические ошибки повторяются. Причем с такой частотой, что возникает вопрос: «А ошибки ли это?»

Государственные, этнические, экономические, религиозные и многие иные аспекты исторического процесса не должны заслонять главного содержания истории. Главное содержание истории — это судьбы

людей, и, лишь поняв, что нет ничего выше человека, его жизни, его интересов, его детей, продолжающих его личное существование, можно понять, в чем заключается смысл истории.

История: от прошлого к будущему

Историю определяют по-разному, но все сходятся в одном: история — это прошлое. Хорошо, пусть. А что такое прошлое?

Хорхе Луис Борхес был убежден, что есть материя, из которой сделано время, и эта материя называется прошлое.

Известные основания для подобного утверждения как будто бы имеются.

Стоит нам попристальнее взглянуться в течение времени, попытаться его на мгновение приостановить — и оно тотчас же обращается в прошлое.

Фауст попытался это сделать — остановить мгновение — и тут же сам стал прошлым.

Этим не стоит заниматься.

Мефистофель его предупреждал.

Но отсюда не вытекает, что время состоит из прошлого.

Наоборот.

Борхес не прав.

Возможно, время сделано из таинственного, равномерно движущегося вещества, которое называется *будущее*. Оно непрозрачно, подобно туману. В нем проступают очертания отдельных событий, они придут, но когда? Будущее скрадывает расстояния, как туман скрадывает звук. Время! Стоит к нему приглядеться, прикоснуться, попробовать замедлить его течение — и оно исчезнет, превратится в то, чего нет: в прошлое.

Прошлое нельзя изменить именно потому, что его нет, но это и придает ему силу власти над нашими душами. Они не могут противостоять тому, чего не в состоянии изменить. А прошлое в этом смысле не менее неизменно, чем законы природы.

Но законы есть, а прошлого нет.

Власть прошлого — власть следов того, что было, следов, уносимых нашей памятью в будущее, уносимых потоком времени вместе с нами. Но это только следы.

Следы того, чего нет. Но они образуют нас, наше «я», например.

А будущее есть. В тот момент, когда у моего «я» не станет более будущего, мое существование прекратится: я умру.

Если бы власть будущего над нашими душами превзошла власть прошлого, существование человечества стало бы иным. Но этого нет. Кассандре³ было дано пророчество верно, но безвластно: ей не верили.

Согласно Гегелю, всемирная история начинается «лишь с того времени, когда она является еще только возможностью в себе...»⁴.

¹ О символике этого образа см.: *Философия свободного духа: О романе Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры»*. М., 1996.

⁴ *Гегель*. Соч. Т. VIII. М., 1939. С. 57.

В себе, an sich, существует и возможность власти будущего. Если считать важнейшим признаком разума его способность заглядывать в предстоящее, то надо лишь сделать людей участниками существования разумной системы.

Сложность задачи, как оказалось, в том, что система эта (ее можно запроектировать) состоит в конечном счете из людей.

Одно из предлагаемых революционерами и реформаторами решений задачи афористически ясно сформулировано Эрихом Кёстнером: «Сначала надо создать разумную систему, а уж люди к ней приспособятся»⁵. Попытка была, результат очевиден, но сил нет разобраться — то ли система была неразумна, то ли люди ее к себе приспособили. Скорее всего — и то, и другое. Сейчас мы адаптируемся (или, скорее, нас адаптируют) к системе, не претендующей на полную разумность, и это вселяет некоторую надежду.

Ушедшая в прошлое система, которая не уставала взывать к прогрессу и разуму, на деле отдалялась от разума с каждым годом своего существования. И это было одной из главных причин того, что она пыталась оставить на страницах истории все больше «белых пятен», а потом треснула, как полярная льдина, — и ее обломки все дальше отплывают друг от друга.

Нет сомнения, пресловутые «белые пятна» истории — это обесцвеченные кровавые. И вот, есть люди, которые хотят вернуть им прежний цвет, окрасить их свежей кровью.

Все утешают себя тем, что опасных экстремистов немного. Это так. Но понятие «немного» исторически относительно. Представитель взглядов, которые разделяют 4–12 % активного (принимающего участие в выборах) населения, будучи допущен к постоянному участию в работе средств массовой информации, уже в состоянии заметно повлиять на неустойчивые в своих убеждениях массы.

Опасны и те, кто планомерно перекрашивает прошлое, и не помышляя об исторической объективности. Как заметил Ф. Лустич, в нашу⁶ культуру уверенно вошли «люди с тяжелыми, как кованые сапоги, говорящими фамилиями»⁷. Их фамилии — резун, правдюки, семиряги — то ли написаны на заборах, то ли списаны с них. То, что они проделывают (или пытаются проделывать) с прошлым, если не хуже, то во всяком случае, опаснее лжи.

Можно ли бороться с пороками прошлого, используя порочные методы? По всей вероятности, нельзя. И само обращение к прошлому — какую цель оно преследует?

Эжен Ионеско говорит: «Все литераторы и почти все драматурги изобличают зло, несправедливость, отчужденность, болезни вчерашнего дня. Они закры-

вают глаза на сегодняшнее зло. А прошлое зло больше изобличать нечего... Так можно лишь скрыть новые болезни, новую несправедливость, новое мошенничество»⁸. Великий драматург прав. Это про нас.

Повествование

Приводимый далее случай довольно известен. Заключение в лондонский Тауэр Уолтер Рэлей работал, как обычно, над вторым томом «Всемирной истории», когда услышал во дворе какую-то бурную ссору. Он подошел к окну, посмотрел и снова взялся за свой труд, в уверенности, что запомнил все подробности ссоры. Заговорив о ней на следующее утро со свидетелем и даже участником происшествия, он был потрясен: их наблюдения расходились во всем. Насколько же труднее установить истинный ход отдаленных событий, если люди ошибаются в том, что видят собственными глазами. Рэлей предал «Всемирную историю» огню.

Если бы современные авторы многочисленных мемуаров о недавних событиях следовали примеру великого человека⁹, мы имели бы о недалеком прошлом более скудное, но, вероятно, и более верное представление.

Мемуары не всегда представляют собой переработку дневников, то есть записей, приближенных во времени к событиям. Причинная связь событий ускользает от свидетелей. «Единственные причины, для которых психология свидетельства отмечает наибольшую частоту недостоверности, это самые ближайшие во времени события. (...) Что касается интимных пружин человеческих судеб, перемен в мышлении или в образе чувств, в технике, в социальной или экономической структуре, то свидетели, которых мы об этом спрашиваем, несколько не подвержены слабостям моментального восприятия.

По счастливому единству, которое предвидел уже Вольтер, самое глубокое в истории — это также и самое в ней достоверное»¹⁰. Будучи склонным к скепсису по складу ума, я все же полагаю, что Марк Блок в данном случае близок к истине.

Повествователь в истории всегда удвоен. Это повествователь о событиях и переживаниях (свидетель и участник), и повествователь об историческом процессе, пусть даже о недолговечном его отрезке, то есть в собственном смысле слова историк. Это жанр nonfiction, повествование о том, что было. Литературно-художественный текст, выполненный в жанре fiction, например, роман, в принципе допускает господство автора над содержанием, включает вымысел, в классическом случае содержание вообще вымышленно. На то и роман.

⁵ Кёстнер Э. Фабиан. М., 1990. С. 62.

⁶ Речь идет о постимперской культуре, в которой российская еще занимает видное место.

⁷ Лустич Ф. Между рыбой и мясом // НГ. 1996. 11 октября.

⁸ Ионеско Э. Небесный пешеход // Носорог. М., 1991. С. 94. Хочу обратить внимание читателя на то, какого мнения Э. Ионеско о «Небесном пешеходе»: «Это пьеса красивая, правдивая и сильная». (Ионеско Э. Противоядия. М., 1992. С. 282).

⁹ Думается, Уолтер Рэлей может быть назван так с не меньшим правом, чем Фрэнсис Дрейк.

¹⁰ Блок М. Апология истории. М., 1973. С. 58.

Но все не так просто. В известной уже читателю новелле Кеки Даруваллы в парадоксальной литературной форме ставит серьезную проблему. Известно, что литература пишет о людях, которые могли существовать, и событиях, которые *могли* происходить так, как о них написано. И она это признает — что только *могли*.

Сражение при Ватерлоо могло происходить так, как написано о нем в «Пармской обители», а при Бородино — как описывается в «Войне и мире». Люди, подобные Базарову, могли существовать и существовали, а у Джона Сильвера был не лишенный обаяния реальный прототип. Все это литература признает. История же, будучи не менее, но и не более достоверной, претендует на то, что все происходило так, как написано историком.

Но это не лишает исторической ценности тексты художественно-литературные. Или художественные фильмы.

«Когда я думаю, до какой степени искажаются события даже самого недавнего прошлого, я начинаю весьма скептически относиться к истории как таковой. Между тем поэтическая интерпретация истории создает общее представление об эпохе. Я бы сказал, что произведения искусства содержат гораздо больше истинных фактов и подробностей, чем исторические трактаты»¹¹. Это мысль замечательная. В сущности, Чаплин говорит вот что: возможные факты и подробности значат для понимания истории не меньше, чем описанные в качестве действительных.

И с этим трудно не согласиться. Ведь и среди удостоверенных мемуаристами фактов немало искаженных и придуманных. А под пером исторического романиста (о чем писал Ю. Тынянов) возникают догадки более верные, чем пристрастные суждения историков.

Бывает, разумеется, что романист увлечен мифотворчеством. Мифы увлекают читателей, что так способствует сбыту романов — романов Дюма, например.

Утверждают, что повествователь невольно обращает мир в миф, в структуру, где царствуют имена собственные.

Арамиса звали Рэне д'Эрбле. Я имею в виду Арамиса, созданного Дюма¹². Как это получилось, что Дюма был вынужден назвать его имя? К нему обращается герцогиня де Лонгвиль. Мы знаем о том, что Арамиса любят женщины, но в общении с любовницей он показан один единственный раз. И мы единственный раз слышим, как его называют по имени.

Но романы Дюма, из которых миллионы (если не сотни миллионов) людей черпают представление об исторических событиях, — не более, чем легкомысленный мифологизированный и поэтому увлекательный пересказ уже известного, рассказанного. Обратимся к первичному рассказу.

Пусть наш предмет — «восприятие некоторого сообщения и знание, которое нам это сообщение дает». Многое зависит от конкретной формы, в которой знание представлено в тексте.

Со школьных лет нам известен молодой казак из пушкинской «Полтавы», в шапке которого зашит

Донос на гетмана-злодея
Царю Петру от Кочубея.

Лапидарность Пушкина, как всегда, удивительна — вся суть дела изложена или, если хотите, уложена в шесть-восемь слов.

Но казака не было.

Был бедный странник, которого пригласила к себе и накормила жена Кочубея.

Странник выходит, поужинав, «она же вышла за ним из шатра и, взяв его за руку, пошла с ним по саду и учала гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездельник-де, он, блядин сын и беззаконник, ее родную, а свою крестную дочь, зазвав к себе в гости, изнасиловал блудом... Можно ль тебе, Никанору, в тайном слове верить?»

И он, Никанор, сказал: «верь!»». Она поверила, и Никанор передал сообщение, которое касалось политических, а не личных планов гетмана, в Москву¹³. Но нескрываемая личная неприязнь к Мазепе привела Кочубея на плаху: его информацию оценили как оговор.

Знание о действительности может находиться в непосредственной зависимости от понимания речевого сообщения; вполне очевидно, что очень многое зависит здесь от правильного выбора лексических единиц. Вот пример: «... при докладах мы внимательно следили за формулировками. Само собой, у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировали фразы: «Войска ворвались в пункт Н.», «Наши войска *заняли* (или удерживают) окраину пункта Х» и тому подобные неточные формулировки. А. Антонов (первый заместитель начальника генштаба. — А.Б.) в таких случаях докладывал: «Наши войска *ведут* бои за пункт Н (или Х)», так как на опыте не раз убеждался, что это наиболее точная характеристика действительного положения на фронте»¹⁴.

Точная характеристика действительного положения — существенное требование к текстам военного, политического, исторического содержания, хотя каждый из нас знает, как редко оно соблюдается. В то же время отношение «текст — действительность» зачастую подразумевает описание возможностей. Знание, которое приобретает читатель из литературно-художественных текстов, неразъединимо с их сущностной стороной, а «сущность всякого художественного произведения состоит в органическом

¹¹ Чаплин Ч. Моя биография. М., 1966. С. 321.

¹² «Подлинный», исторический, Арамис звался Арамиц (испанец), Портогос — Исаак де Порто, д'Артаньяна звали Шарлем. В романе Дюма имен у них нет.

¹³ См.: Новомбергский Н. Слово и дело государевы. Материалы // Известия Томского университета. Кн. 36. Томск, 1910.

¹⁴ Штеменко С. Генерал армии Алексей Антонов // Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 24.

процессе его выявления из возможности бытия в действительность бытия»¹⁵.

И естественно, что тексты этого рода переменны — не только в понимании, но и в существовании. Представление о «каноническом» исходном варианте — позднейшее, возникающее на том историческом этапе развития культуры, когда нестабильность системы «коммуникатор — текст» начинает угрожать самому существованию текста, и на динамику системы начинают накладываться ограничения — заинтересованные лица и социум как групповой субъект понимания. Но первоначально таких ограничений не существовало. Вот что пишет о мифе К. Леви-Стросс: «Достоверной версии, копией или искаженными вариантами которой являются другие варианты, не существует. Все варианты входят в миф»¹⁶.

И не следует представлять себе это явление связанным только со спецификой онтологии системы, с устной речью, в которой миф начинает жить и живет. Да, устная речь переменна, изменчива по самой своей природе. Но поправляли и неречевые тексты, существующие только в стабильном техническом воспроизведении. Да, делалось это. «Человек у проекционного аппарата был немножечко народным певцом, сказителем... он мог как аэд строфы «Илиады» или дедушка, рассказывающий внукам старую сказку, по своей воле переставлять, убавлять и даже увеличивать число кадров: как в песнях и в сказках, в ранних кинолентах была возможность их контаминировать, вводить в одну полюбившиеся подробности из другой (специалисты вам скажут: старые немые ленты, если они сохранились в нескольких экземплярах, непременно разнятся между собой, и дело тут отнюдь не в степени износа)»¹⁷. Киномеханик в роли соавтора может показаться смешным. Но разве наша память не делает с фильмом то же? И только ли с фильмом? А если с миром?

Понимание конкретных исторических последовательностей и повествований преимущественно связано с нарративным полем понимания.

Но в повествовательном художественном творчестве доминируют элементы возможного, даже когда имена собственные принадлежат исторической реальности. Например, действительный Владимир Старицкий был умерщвлен при иных, нежели в сценарии (и фильме) Эйзенштейна, обстоятельствах: в фильме Старицкий гибнет в ситуации, напоминающей убийство конюшого Федорова.

Но только ли вымысел показано в «Иване Грозном»? Нет. «Это не выдуманно, — писал

В. Шкловский, — это не соединение вымыслов, но это вымышленное соединение возможностей»¹⁸.

Понимание в поле доказательных суждений иное. Не потому, что в нем эффективно используется математический аппарат: понимание текстов математических имеет немало общего с пониманием текстов естественно языковых. И не потому, что строго доказательное знание пренебрегает возможностями: это не так. Существуют дисциплины (и собственно тексты), предметом которых служат именно возможности: квантовая механика — это наука о «свойствах и поведении возможностей»¹⁹. Доказательное знание есть результат особого рода деятельности познающего субъекта²⁰, а научное знание традиционно рассматривается как особая достоверный вид доказательного знания.

Повествовательный текст имеет опорой тезаурус. «Дайте мне перо и бумагу — и я сочиню вам учебник истории или священный текст, подобный Корану и Ведам... По каким признакам невежда или ребенок узнают, что я их обманываю?»²¹

Да, откуда? Ведь действительность не более чем вероятна и возможности лжи в коридоре вероятности едва ли не беспредельны.

Говоря о «непредвиденных результатах» публикации рассказов Роберта Льюиса Стивенсона в переводе на язык самоа, Р. Олдингтон отмечает: «Самоанцы не делали различия между библейскими легендами, беллетристикой, то есть заведомым вымыслом, и историей как таковой. Король Апемамы (острова Гилберта. — А.Б.) не поверил, что капитан Кук существовал на свете, поскольку о нем не упоминалось в Библии»²². Для короля было реально в прошлом только то, о чем повествуется. Реальности нарративного, повествовательного поля неистребимы, как неистребимо понимание, как неразрушима его структура.

Повествовательная форма глубоко специфична: она лучше запоминается, легче транслируется от поколения к поколению, имеет широкую коммуникативную перспективу. Но в чем именно состоит ее внутренняя специфика? Быть может, ответ на это даст баллада, быть может — немое кино, а может быть — структура понимания повествовательных текстов.

А может быть история.

Мурасаки, прославленная потомками как романистка, ставила литературное повествование рядом с историческим повествованием. А ведь было это на рубеже X и XI веков, хэйанская эпоха была богата событиями, и фрейлина императорского двора ощущала себя прикосновенной к истории; одним словом, она знала, о чем говорила.

¹⁵ Белинский В.Г. Собр. соч. Т. 3. М., 1970. С. 84.

¹⁶ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 195.

¹⁷ Соловьева И., Шитова В. Четырнадцать сеансов. М., 1981. С. 211.

¹⁸ Шкловский В. Эйзенштейн. М., 1973. С. 253.

¹⁹ Грязнов Б.С. Теория и её объект. М., 1973. С. 50.

²⁰ Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984. С. 6.

²¹ Валери П. Об искусстве. М., 1976. С. 191.

²² Олдингтон Р. Стивенсон. М., 1973. С. 328. Воображенное прошлое есть то, чему можно научить, и то, что должно изучать. Обращение текстов, описывающих возможность, в компонент действительности представляется темой, обладающей огромной исторической важностью.

Знала Мурасаки и другое: чтобы ее поняли, надо заглядывать во «внутреннее строение жизни».

Лев Толстой мучился желанием сделать что-то для других. И вот что он сказал Г. А. Берсу: «Мне хочется быть понятым другими. Историки описывают неверно и внешне, а надо для того, чтобы понять, угадать внутреннее строение жизни»²³.

Для того, чтобы его поняли, повествователь должен узнать, угадать, постичь внутреннее строение жизни, не всегда доступное историку.

Что же представляет собой история? Как говорит Владимир Левашов (я приведу обширную выдержку — это очень содержательно), «в самом слове “история” мы слышим как бы два смысла, причем совершенно противоположных. Это эволюция, сама историческая практика, движение в будущее; одновременно это также взгляд в прошлое, движение вспять времени для установления причинно следственных связей. Это история как понимание — то, на чем базируется историческая наука.

Но все дело в том, что историческая практика всякий раз меняет образ прошлого. И сам исторический процесс выступает как перманентная динамическая балансировка прошлого и будущего — в точке настоящего. Это точка вне времени...»²⁴.

Можно сказать, настоящее, из которого мы заглядываем в прошлое, есть иллюзорная вечность. Мы пытаемся стать по отношению к истории во внешнюю позицию, а что является внешним по отношению к истории, как не вечность? Вечность — это пространство всех возможностей²⁵.

«Чтобы перемещаться в таком пространстве, переводя реальность из состояния потенциального (или, как сказал бы Хайдеггер, сокрытости) в состояние актуальности и присутствия, необходимо владеть особой технологией... Это и есть движение из пространства вечности во время, в историю, в которой нужно родиться, чтобы ее понять. Путешественник, навигатор здесь неизбежно находится как бы сразу в двух пространствах, между вечностью и историей»²⁶.

Любопытно, как путешественник в пространстве возможностей затем выступает в качестве повествователя (вспомните в этой связи штурмана Уильяма Дампира — незадачливого пирата, но одаренного рассказчика).

Существование повествовательно. Вот почему наука, столь поднатюренная в описании структур, любит сущность. Не процесс, а его причины. Не сюжет, а эпилог. Не игру, а счет. Одним словом, — выводы. А игра, ориентированная природой своей на существование, вся состоит из задержек по пути к выигрышу, проигрышу — к результату. Даже портрет —

это процесс. Это из него, это из картины, из живописи, а не из фотографии выросло кино. Кино — это чистый случай существования, и когда зачинатели его постоянно упирали на то, что кино необходимо движение, action, они, по сути дела, хотели, чтобы в фильме было показано существование в его наиболее очевидной и доступной зрителю форме.

Но и за тысячи лет до того, как возникло кино, люди чувствовали: чтобы понять жизнь, надо обратиться к повествованию.

Это адекватная существованию форма.

Она раскрывает двери в смысл.

В удивительно наглядной форме подтверждает, что существование превышает сущности, ситуации существования выше тех, что существует, баня. Главное — в осуществлении ситуации, главное в том, чтобы в ней участвовать. Тот, кто живет — участвует. В ситуациях существования, в скриптах могут участвовать львы и мыши, а не люди. Это все равно. Мы угадываем в них людей.

На самом деле это очень жестокий закон, хотя басни учат добру, учат (помимо собственно этического смысла) любить зверей, видеть в них меньших братьев. Детям не видно то, что лишь со временем начинают понимать взрослые: жизнь превышает всех живущих, для нее главное одно — чтобы она продолжалась. Это жестоко, но неизбежно: таков закон.

Любопытно, что по-настоящему понимают это те, кого носителями высшей мудрости как-то не считают, я имею в виду спортсменов. Они очень быстро начинают осознавать, что такое существование команды, что в любой игре на их место придут другие, и вот они — на скамейке запасных. Игра продолжается, команда существует. Это главное.

Игра учит и другому — что основное заключается в игроках, что надо в каждом периоде (тайме, соревновании, сезоне) доказывать свою неповторимость. Только тогда ты будешь в команде, будешь играть.

Жизни требуются неповторимые. Это условие участия в половом отборе, условие участия в продолжении жизни, условие участия в игре. Это основное условие существования истории.

Личность. Группа. Свобода

Для человека с его неизбежной мечтой о машине времени, о возможности заглянуть в будущее или изменить прошлое (хотя это разом лишило бы существование смысла) история выступает как противница.

Человек каждой своей частичкой связан с историей, с окружающей исторической реальностью, это касается не только его телесного существа, но и ин-

²³ Берс Г.А. Воспоминания о графе Л.Н. Толстом. Смоленск, 1984. С. 49.

²⁴ Левашов Вл. История как машина времени // ИК. 1995. № 2. С. 74.

²⁵ Путешествие доктора Фауста не знает конца. «Много это или мало — вечность? Для человеческой короткой жизни — очень много; для жадного сердца — слишком мало; но для души, запроданной черту, год и вечность все равно ничто» (Катаев В. Собр. соч. Т. 1. М., 1968. С. 165). Напомним, что в принятой нами системе метафор здесь говорится о том, что желание жить сейчас и ежесекундно сильнее желания жить вечно. А для интеллекта абстрактного, отвлеченного от жизни, вечность — ничто.

²⁶ Левашов Вл. История как машина времени // ИК. 1995. № 2. С. 74—75.

теллектуального или духовного: мысли его включают частицы знаний, полученных от других; его прошлое оказывает на него влияние, это означает, что прошлое других людей также оказывает на других (и на всех) влияние.

Действительность изменяется, возможно, что и по свойственным ей законам. Изменить прошлое нельзя. Действительность же изменить можно. Можно «вписаться» в действительность, неосознанно, частично ее изменяя, — такова суть адаптации. Можно преобразовывать действительность, осознавая цели своих действий, — в этом суть практической деятельности.

Ряд исследователей полагает, что поведение есть в своей основе «отрицательная свобода», свобода от тех или иных сковывающих помех; деятельность личности имеет своей основой «положительную свободу», свободу для осуществления тех или иных конкретных целей. Ни одна закономерность, которой подчинено поведение, при этом не исчезает целиком. Но одно дело — избавиться от тех или иных существенных для жизнедеятельности препятствий; другое — избавиться от них для того, чтобы осуществить достаточно отдаленную цель. Адаптация предполагает в качестве цели то, что служит лишь средством и условием для практической деятельности.

Исходя из некоторых положений концепции В.П. Зинченко, можно предположить, что адаптация — это фундаментальное для физиолога (и патофизиолога) понятие — теряет свою доминирующую роль, когда мы переходим к рассмотрению высших уровней деятельности организма или, точнее, когда от организма, от индивида как части рода, от личности как части общества мы переходим к человеку. Различие здесь принципиальное, а заключается оно вот в чем. Адаптация есть в принципе несвобода. Адаптация — это даже не понимание необходимости, а ее усвоение. И поведение в основе своей и составляет именно усвоение необходимости, перевод ее с языка ситуаций на язык организма, индивида, личности. Понимание же, включая перевод, к деятельности не сводится. Понять — значит войти в существование человека как части мира. Существование человека как целого это переход от жизнедеятельности организма к деятельности личности. Это процесс, который включает цели организма, тела как основные, но не главные. «Быть радикальным, — писал когда-то К. Маркс, — значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек»²⁷.

В этом основа радикальной психологии.

Говорят, что человек состоит из того, что он ест. Нет, он состоит из того, что у него есть, и того, чего у него нет. Так учит Ортега-и-Гассет, и учит правильно.

Разумеется, человек может и не знать, чего у него нет. Андрэ Мальро писал по этому поводу: «Мне

приписали фразу одного моего персонажа: “Человек — это то, что он делает”. Так оно, конечно, и есть, и персонаж говорил это в ответ на реплику другого персонажа: “Что такое человек? Жалкая кучка секретов (на дне его души. — А.Б.)”. Сплетня придает дешевый блеск тому, чего мы ожидаем от иррационального, и при помощи психологии подсознательного мы с готовностью перемешали то, что человек скрывает — и что зачастую достойно лишь жалости, с тем, что он носит в себе, сам об этом не ведая»²⁸. Здесь А. Мальро обходит молчанием важное соображение о том, что с каждым случается то, что с ним должно случиться.

История последовательна, и если даже она бессмысленна, как утверждают некоторые, то во всяком случае не бессвязна.

Есть люди, которые эти связи улавливают хорошо и вообще понимают, что происходит. Это о них А. Зиновьев заметил: тем, кто понимает систему, в ней труднее существовать. Утверждение это прозвучало в телепередаче (1996 г.), но объяснения ему видный логик не предложил. Наверное, это связано с тем, что в XX веке «мудрецы были столь обычным явлением, что дураки ценились чуть ли не на вес золота — толпы народа ходили за ними по улицам, их баловали, холили, оберегали как зеницу ока, назначали на высшие государственные посты...»²⁹.

Сказано это было давным-давно, в начале века, но вот что можно услышать сегодня, когда век кончается, включив телевизор и увидев на экране совещание каких-то высоких чинов:

— Ну, что вы на это скажете, майор?

— Это подтверждает давние мои подозрения, сэр!

— Вот как. Надеюсь, вы не откажетесь ими поделиться?

— Так точно, сэр. Мне кажется, этот план подтверждает, что у кого-то наверху в мозгах не все в порядке.

Когда майора выставили и все стали его ругать, генерал задумчиво сказал:

— Конечно, он городит ересь, но в его словах что-то есть...³⁰

Заметьте, я недаром ссылаюсь на видеоленту, ведь «Наполеон из пригорода» — произведение классическое, элитарное. А вот видеофильм — это уже факт массовой культуры, здесь тривиализировано то, что раньше казалось парадоксом, остротой, британским юмором...

Свифт в «Битве книг» писал, что «если мы рассмотрим величайшие деяния, совершенные в истории отдельными личностями, например, основание новых государств силою оружия, развитие новых философских систем, создание и распространение новых религий, то найдем, что виновниками всего этого были люди, здравый смысл которых был поврежден»³¹.

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 422.

²⁸ Мальро А. Зеркало лимба. М., 1989. С. 163.

²⁹ Честертон Г.К. Наполеон из пригорода. Л., 1925. С. 14.

³⁰ Это из фильма «Dirty Dozen», видеоконверсии и выходными данными которого я, к сожалению, не располагаю.

³¹ Цит. по: Муравьев В. Джонатан Свифт. М., 1968. С. 68.

При этом возможности у них, по нынешним масштабам, были не столь уж велики — ни ядерным оружием, ни нефтяными источниками, ни средствами массовой коммуникации упомянутые Свифтом герои исторического процесса не располагали.

У существования мира цели нет, ее никто не ставил. Современный школьник проникается убеждением, что применительно к изучению природы вопрос о цели бессмыслен. Рассматривая природу как неисчерпаемо сложную систему, мы стремимся узнать, как она устроена, и этого достаточно.

Позитивное научное знание предполагает именно такой подход и может гордиться полученными результатами. Мощь человека они усилили неизмеримо. В этой связи я позволю себе сослаться на беседу с С.С. Брюхоненко³², который еще сорок с лишним лет назад весьма убедительно показал, что свобода индивида прямо зависит от технических средств, которыми он может располагать, и именно поэтому свобода человека неминуемо обратится в угрозу для существования человечества. Мысль о том, что индивид сможет угрожать существованию целой популяции, тогда казалась странной, позже маловероятной, но сейчас она уже и маловероятной не кажется.

Индивид может быть очень опасен. И не только потому, что он безумец или злодей по натуре (есть такие), не только потому, что он утратил критическое отношение к своим мыслям и поступкам, а потому, что он может располагать неконтролируемыми возможностями. Тут и здравый смысл — не гарантия.

Есть, конечно, надежда на малые группы.

Утверждают, что малые группы могут иметь преимущества и с генетической точки зрения. Когда перечисляют наиболее творческие периоды человеческой истории, неизменно упоминаются Иерусалим VIII века до нашей эры, Афины V века до нашей эры, Флоренция XIV века нашей эры. И в каждом случае мы имеем город, численность населения которого по нынешним меркам совсем не велика; а площадь города — и вовсе мала. А напряжение большого ожидания, видно, было очень велико. Какая концентрация духовных сил достигалась за сто с небольшим лет! Причем людей с высоким образованием (пусть даже не в нынешнем понимании этого слова) в этих городах было маловато.

Есть малые группы и в больших городах. Лиль, героиня пьесы Гюнтера Вайзенборна «Нелегаль» (дело происходит в памятном человечеству 1942 году) говорит: «В Берлине 4 миллиона жителей. Из них 3 миллиона думать не привыкли. Остается 1 миллион. Из него 900 тысяч трусят, преклоняются, аплодируют, наживаются. Остается 100 тысяч. Из них 90 тысяч политикой не интересуются и вообще слишком заняты. Остается 10 тысяч. 9 тысяч из них

уже погибли. Осталась 1000. Тысяча решительных людей на весь Берлин. Из них 993 я не знаю. Остается 7. Это наша группа»³³.

Эти семеро рисковали жизнью — и не по пустякам.

Есть, конечно, надежда на большие группы. Например, на человечество.

«Индивидуально каждый человек во всех своих действиях — сне, еде, размышлениях — руководствуется велениями разума. Но в целом человечество изменчиво, склонно к мистицизму, взбалмошно и в общем довольно симпатично. Люди суть люди, но Человек есть женщина»³⁴.

Вполне допустимо, что возможности женщин в социальных структурах и процессах реализованы еще недостаточно, а эти возможности более адекватны самой природе человечества, чем мы предполагаем.

И здесь есть шанс.

Ребенок — больше человек, чем взрослые, и это, конечно же, результат общения его с первой (и главной) женщиной его жизни. Потом он вырастет, войдет в Человечество целиком, станет личностью.

«Все европейцы верят в Личность — богиню, явно сохраняющую архаичные черты принадлежности к неразвитому первобытному сознанию, где каждый имеет своего особого божка, умащивает его остатками пищи или наказывает в зависимости от собственных удач или неудач. Личность — богиня иррациональная, ни одному европейцу не удалось внятно и понятно объяснить другим европейцам, что она такое, кто ее родители, каким навыкам она покровительствует, хотя до недавнего времени, когда в Европе господствовало христианство, в личности находили черты фамильного сходства с Богом-отцом, искру божественного и вечного в человеке. К первобытному непрофессиональному сознанию личность близка и в том отношении, что она явно связана с тотемизмом. Как дикари говорят: я — попугай, я — выдра, я — крокодил, так европеец твердит: я — личность. Это его тотем.

... Но хотя ничего кроме бед, неприятностей, несчастий, позора или надутого тщеславия европеец не получает от личности, без нее он вообще перестает чувствовать себя человеком...»³⁵.

Кажется, слишком уж критичен по отношению к европейскому пониманию личности был остроумный М.К. Петров. Но согласитесь, что многое тут подмечено точно. Великая сила — личность, и величайшая она ценность. Только правильно в Библии сказано: «Не сотвори себе кумира». Так заповедал нам Господь Бог. Не надо делать кумира и из личности.

Из общества тоже не надо. Так из чего же?

Да не из чего. Не из кого. «Не сотвори себе кумира». Будь самим собой.

Оставайся собой.

³² Ленинская премия, присужденная, разумеется, посмертно, не добавила популярности имени этого замечательного ученого.

³³ Weisenborn G. Die Illegalen. Berlin, 1946. P. 32.

³⁴ Честертон Г.К. Наполеон из пригорода. Л., 1925. С. 14.

³⁵ Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 135.

Идеология

Идеология возникает исторически — и термин этот исторически молод. Идеология, например — патриотическая идеология, обязана своим существованием человеческим интересам, интересам групп. Так, патриотические интересы присущи большим группам людей, обладающих языковой и территориальной общностью.

Что же такое патриотизм? Общеизвестно, что под этим словом (греческим по происхождению) подразумевают преданность родной стране и готовность содействовать реализации ее интересов.

Патриотизм — одно из наиболее сложных и загадочных явлений социальной жизни. Он глубинно связан с историей народа, его культурой и находит выражение в гордости за свою страну и свой народ³⁶.

Исторически патриотизм проявлялся в том, что жители городов гордились своей культурой, торговлей, местными богами. В дальнейшем получило распространение отождествление страны с главным городом (Римом, Парижем, Афинами). Впрочем, в XX веке к такому отождествлению относились уже иронически.

Выдающийся итальянский публицист Мино Маккари был совершенно прав, когда писал: «Посредственный или плохой художник может быть ярким патриотом, а своими картинами вредить репутации нации, к которой принадлежит. И наоборот, великолепный художник может и не выглядеть патриотом в своих высказываниях, но своей работой он на деле увеличивает славу и силу родной страны».

И правда: многие люди, восхвалявшие свою нацию, на деле ее ничем не прославили, в то время как скромный труженик или видный ученый, не выступающие на митингах националистической оппозиции или на страницах сугубо патриотической прессы, делают для своей родины куда больше, чем урапатриоты. Более того, в разных странах и в разное время были люди, которые на словах всячески прославляли родину и нацию, а на деле грабили и хулили ее подлинную опору. О «патриотизме» таких людей Сэмюэль Джонсон (это было давно) сказал: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». И Лев Толстой с удовольствием приводил его слова в «Круге чтения».

Разумеется, патриотизм в мире, где меняются границы и приоритеты, приобретает размытый характер. М.Е. Салтыков-Щедрин, остроумный и едкий, еще в прошлом веке размышлял, какую следует любить Россию — с Нахичеванью или без Нахичевани? (Теперь сказали бы: с Чечней или без Чечни?) И если границы того, что называют «родной страной», могут изменяться, не лучше ли найти в ней не-

что неизменное, чему можно верить сердце без колебаний? Это неизменное, говорит Салтыков-Щедрин, всем хорошо известно: это начальство. Таким образом, самый «приемлемый» патриот — тот, кто любит начальство. В нем и воплощается отечество.

Современный русский писатель Александр Мелихов согласен даже с тем, что «патриотом уже можно считать того, кто любит хоть какие-то частные проявления своего отечества и понимает при этом, что при исчезновении целого исчезнет и дорогая ему часть»³⁷. Сказано витиевато, а смысл прост: надо хоть что-то любить в своем отечестве.

Вероятно, все согласятся с тем, что новая идеология, складывающаяся в нашем обществе, должна носить патриотический характер.

Но что же мешает новой идеологии проявиться и укрепиться?

Здесь можно назвать три фактора.

Первый фактор обозначен и подробно описан Ричардом Пайпсом, влиятельным социологом. Он считает, что процесс «атомизации» в бывших социалистических странах еще не только не кончился, но, наоборот, только начался. Пример Югославии показывает, что распад будет идти и дальше. По мнению Р. Пайпса, процесс этот имеет место в политической, но в большей мере — в духовной сфере общества, в прошлом монолитного. С крушением коллективизма начались процессы, привязывающие человека к семье³⁸, к роду, а не к партиям и государствам. Не вдаваясь в оценку соображений Пайпса и Хантингтона, а тем более — их гипотетических выводов, констатируем, что они подметили реальную тенденцию. Может быть, она не разрасталась бы без некоторой внешней поддержки. Но это вопрос другой. Важно, что есть такая тенденция. И нам тут есть над чем подумать. Ведь патриотизм выражается в чувстве привязанности к стране, а не только определенной ее местности или части, к народу, а не к роду, хотя одно и не исключает другое.

Второй фактор заключается в том, что период социализма по своему значению и месту в исторической памяти неоднозначен, противоречив. Тут в неявной форме стоит вопрос, которым задается сейчас едва ли не каждый мыслящий человек. Это вопрос о цене переходного периода. И не входит ли в эту цену лишение людей того, чем они могли обладать в условиях государственно-монополистического социализма? Да, он был жесток, при нем тупо преследовали все свободное, оригинальное, исконно национальное — до языка включительно. Но с ликвидацией тоталитарного прошлого и обретением свободы и прав человека «новый ренессанс» пока не наступает. Упущено что-то очень важное, необходимое и надо постараться понять — что?

³⁶ Есть, конечно, и другие подходы к понятию «патриотизм». Так, Л. Фейхтвангер, рисуя подчеркнуто объективную картину жизни человечества, отмечал, что люди нередко вступают в конфликты «потому, что родились в разных местах земной поверхности» (Фейхтвангер Л. Собр. соч. Т. 3. М., 1964. С. 225).

³⁷ Огонек. 1996. № 32. С. 45.

³⁸ Вот, например, что пишет обозреватель журнала авторитетного, с традицией: «Теперь каждый за себя, как говорил шакал Табаки, и некому сказать: "Мы одной крови — ты и я", только своим собственным детям. Мир сузился до размеров семьи» (Семенов А. Новая общность // ЗС. 1997. № 6. С. 6).

Третий фактор состоит в том, что национал-патриотические силы не проявили себя как культурно мощное и политически конструктивное начало, по крайней мере — в России, на Украине и в Белоруссии.

Эти три фактора способны расшатать три опоры патриотизма: государственно-политическую, социально-экономическую, национально-культурную.

Подлинный патриотизм не обязательно носит связанные с войной или с антиколониальной политикой черты. Но в XX веке патриотизм действительно часто определялся вооруженной борьбой за независимость того или иного государства. В то же время главный ресурс патриотизма — искренняя любовь к родной земле и культуре — чаще всего эксплуатировался в чисто политических целях. Это стало постепенно вызывать критическое отношение к официальной поддержке патриотизма. Патриотизм — по существу явление исторически позитивное. Однако в свое время он как бы узурпировался представителями военных кругов: не случайно ведь появился термин «военно-патриотическое воспитание».

Сущность патриотизма напрямую связана с людьми и территорией.

Постепенно любовь к родной земле стала доминирующим признаком патриотизма, причем господствующие в обществе круги, образующие в государстве главную силу, стали связывать любовь к родине с любовью к государству. Марксисты ортодоксального толка (К. Каутский, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, М.Н. Покровский) исходили из того, что патриотизм есть «форма классового самосохранения», и связывали его с понятием «нация», хотя возник патриотизм значительно раньше «нации» в собственном смысле термина и был началом, объединяющим различные общественные слои, что никак нельзя отрицать. Это исторический факт.

Существеннейший признак патриотизма — любовь к родной земле — экологизируется, и это повсеместное явление.

«Труд, отечество, семья» — все это произрастает на родной почве. Разумно, что правительство не выступает в роли экспонента «западных» или «восточных» идей: оно должно ясно обозначить роль государства как защитника земли, культуры, семьи и прежде всего детей.

Но в конце концов, патриотизм — это аспект определенной идеологии.

«Идеологии живучи. В разных обличьях они умеют пережить свою смерть»³⁹, — говорил молодой Людвиг Маркузе в 1935 г. Тогда живучесть идеологий изумляла. Казалось, недавно еще, по завершении первой мировой войны, *всем* стало ясно, что идеология есть инструмент воздействия на поведение масс. Но нет, *не всем!*

С тех пор идеологии проявляли свою силу не раз, на смену одной приходила другая, и все они пользовались официальной поддержкой. Именно здесь, в нашей небольшой стране, входившей тогда в СССР

и образованной, строго говоря, как его часть, была предложена формула $З д = Д$ (демилитаризация + децентрализация + деидеологизация = Демократизация). Ее подхватили, она имела успех, она сработала... и была забыта. Не прошло и десяти лет, как новым независимым государствам потребовались и должная степень внутренней централизации, и государственная идеология. Потребуется, я уверен, и должный уровень обороноспособности — ситуация заставляет задуматься над этим всерьез. Но коснемся идеологии и ее возможностей — ведь сегодня отсутствие идеологии ощущается столь же отчетливо, как десять лет назад ощущался ее пресс.

Чувство, что идеологии как-то не хватает, возникло недавно. Сейчас как раз десятилетие пресловутой перестройки, и все, возможно, не забыли, что поначалу было совершенно иное чувство — чувство чрезмерного изобилия идеологических требований и запретов. Все хотели от них избавиться, даже партийные «идеологини» не возражали. Говорю «идеологини» потому, что было такое неписаное правило — доверять соответствующие посты в райкомах и горкомах женщинам, чтобы и они участвовали в руководстве. И в то же время ничего не изменяли. Идеологию нельзя было изменить. Она была твердая.

Но все, что слишком твердое, — слишком хрупкое. Партийная идеология хрустнула и сломалась. Маркс к этому отношения не имел. «Научная идеология» — этот термин его бы, скорее всего, насмешил. Он считал, что идеология вообще отражает мир искаженно. В перевернутом виде.

Но с тех пор прошло много лет, все увидели, что идеология — большая сила.

Это сила, которая ведет в одном направлении, отстраняя, отталкивая другие. Это сила системы идей, которую поддерживают люди.

Поддерживают? Но почему? Потому что их так учили? Потому что других взглядов они просто не знают? Или потому что им действительно нравятся эти идеи, эти взгляды?

Вот суть вопроса о государственной идеологии.

Вообще-то в демократическом обществе идеологии, которую насаждало бы государство, не должно быть. Ее там и не бывает. Конкурируют различные системы идей.

Но в острых критических ситуациях государство всегда ищет идеологической поддержки: идеология — сила, которой нельзя пренебрегать.

В то же время идеология, как и рынок, который тоже большая сила, требует очень осторожного обращения, умелого, точного. Рынок у нас уже показал, на что он способен, когда с ним неумело обращаются. Он выходит из берегов. Становится выгоднее торговать, нежели работать. И идеология, которую поддерживает государство, тоже может стать средством, стесняющим свободу слова и мысли.

Но ведь и свобода слова не должна быть безбрежной. Она не должна обращаться в свободу лжи.

³⁹ Маркузе Л. Выступление на Международном Конгрессе писателей в защиту культуры // Встреча на Эбро. М., 1989. С. 196.

Для государства существенны идеи, которые могут обществу стать управляемым, упорядоченным, контролируемым. Общество в свою очередь считает, что в сфере духовной жизни оно вполне способно к самоуправлению и самоорганизации. Определенная проблема тут, конечно, возникает. Ее можно углубить и сделать неразрешимой, а можно и разрешить.

Государство должно задавать границы, за которые не должны выходить ни программы политических партий, ни, быть может, даже дискуссии на политические темы. О каких границах идет речь? А о тех, о которых все вспоминают в дни Победы. Пусть солдаты наши воевали не за оципанного николаевского орла, ненароком залетевшего вновь в Кремль, не за трехцветный флаг (был такой флаг у РОА в 1944-м), но Победа все-таки была. Победа над фашизмом. А потому фашистской идеологии у нас не место, ей должны быть поставлены преграды, и покрепче, чем в России, где бурлят волны шовинизма. Не надо закрывать на это глаза. Все мыслящие люди за *идеологию свободы* — свободы мысли и слова; *идеологию равенства* — равенства стартовых возможностей для всех (а уж кто дальше продвинется — это должно зависеть только от него самого), *идеологию братства*, наконец. Это очень важное слово — «братство», оно выражает ощущение родства (не то, что дружба — друзья могут и рассориться, а от родства не уйти). Если братство останется только словом, брошенным на ветер словом, — это грозит бедой. Если оно воплотится в жизнь, мы выживем.

Осуществимо ли это? Как вы понимаете, идеал потому и является идеалом, что в действительности его нет. И если он хоть частично входит в действительность — это уже очень хорошо. Но действительность переходного периода отличается тем, что люди и цены играют в ней гораздо большую роль, чем идеи и законы.

Г. Дж. Уэллс говорил, что идея, которая не входит в систему, ничего не стоит. Идея обретает значение, начинает влиять, когда она связана с другими идеями, занимает среди них должное место.

Хороших идей много, но поодиночке они мало что значат, скользят по поверхности сознания — и только.

Идеи в связке — как альпинисты: они поддерживают друг друга и движутся к цели.

Но, конечно, одной системностью значение идеологии не определяется. Главное в идеологии состоит в том, что она выражает стремления и чаяния общественных групп. Больших общественных групп! И к имущественным интересам они не сводимы. Политические, культурные, социальные интересы могут найти общий идеологический знаменатель. Но для этого они должны быть осознаны людьми, массами людей.

Бесспорно и то, что многое из того, что об идеологии говорят и пишут, — лишь пожелания. Осуществимы ли они в обществе, переживающем нелегкие дни, в обществе, где обостряются социальные противоречия, где пожилые люди так плохо обеспечены, а молодые зачастую не в силах найти себя? Сейчас потребность в осознании общих ценностей очень велика. Мы часто склонны привязывать их к той или иной религии. Но религия при всей ее исключительной важности не исчерпывает собой содержание духовной жизни общества.

В отличие от идеологических догм прошлого, идеология современности может быть направлена не на запрещение тех или иных идей, а на свободное развитие мысли, культуры, экономики в обществе, где все заинтересованы в том, чтобы поддерживать друг друга.

Скажут: общество взаимоподдержки — это идеал.

Да. Это идеал. Но мы вправе формулировать наши идеалы, обсуждать их, идти к ним, надеясь, что они осуществимы.

Когда стало обсуждаться идеологическое состояние российской духовной жизни в период президентских выборов, авторитетный критик Н. Сиривля дала ей такую характеристику: «Это инстинктивное стремление голого короля прикрыться чем-то за секунду до разоблачения. Свидетельство — увы — полного краха, которым закончился идеологический и духовный переворот, начавшийся в стране десять лет назад»⁴⁰.

В Кыргызстане столь пессимистических оценок нет по простой причине: демократическое общество само по себе является серьезным достижением и его надо сохранять и защищать. В России дело иное. «В России у власти сейчас маргиналы, люди, развившиеся вне культурной среды, не имеющие серьезной профессиональной и общеобразовательной подготовки. Появившись на политической арене в результате самозарождения политиков внутри самых разных социальных групп тоталитарного общества, они полагают, что возможно и самозарождение гениев вне научной среды — где-нибудь в котельной, дворницкой или “на досках”⁴¹. Именно гениев. У нас вообще, когда хотят похвалить кого-нибудь, говорят “гений”. И почти никогда — “мастер”. Это весьма показательно, поскольку гений — он сам по себе гений, а мастером можно стать, лишь находясь среди других, лишь соответствуя профессиональным требованиям, которые предъявляют человеку профессиональное сообщество, корпорация»⁴². Корпорация предъявляет требования не только к знаниям, но и к взглядам.

Источник современной идеологии следует искать в интересах, сплывающих людей не только в этнические, но и в профессиональные сообщества. Термин «специализм» придумали специалисты.

⁴⁰ См.: ИК. 1996. № 2. С. 22.

⁴¹ Имеется в виду полузабытый ныне Н. Кургиян и его театр «На досках».

⁴² Шушарин Дм. Идеологическая конверсия и ее жертвы // НГ. 1992. 30 января.

Способны ли они осознать общность своих интересов и прийти к общности взглядов — покажет будущее.

История — это прошлое, которое горит и светится в огне нынешнего дня⁴³. И вот есть люди, для которых прошлое обращается в гигантскую лампу накаливания: только в ее лучах, только в свете прошлого видят они настоящее и будущее. Между тем у будущего свои приметы.

Они носят знаковый характер.

Если мы (следуя Э. Верону) будем рассматривать идеологию как систему правил, функционирующих в процессе воспроизводства сообщений, то она сближается с правилами социальных игр — в той мере, в какой эти игры семиотичны, знаковы.

Сила знаковых систем огромна. На них зиждилось мифоздание прошлого.

«Мифоздание — это в известном смысле перевернутое мироздание. То, что в последнем считалось надстройкой, приобретает значение базиса, а то, что называлось базисом, оказывается совершенно прозрачной надстройкой. В этом смысле ДнепрогЭС для страны Советов прежде всего — знамя и символ, а уж во вторую очередь — источник электроэнергии и объект хозяйственной деятельности. Словом, идеологические установки выглядят более материальной, физической реальностью, нежели средства производства вкупе с товарным потреблением»⁴⁴.

Кому же требовалось мифоздание?

Оно было идеологической конструкцией, созданной в интересах «того, что называется политической партией, — сплоченной общественной силы, действующей по одному лозунгу, по одной программе, под представительством одного или нескольких признанных вождей, имеющей целью изменить общественный или политический строй страны, если можно, в пределах законности, а если нельзя, то подготавливая переворот»⁴⁵.

Имя в сноске говорит больше, чем страница рассуждений. Так четко, так ясно, так *по-русски* определяет политическую партию отец российского либерализма профессор Военно-юридической академии К. Д. Кавелин, и писалось это, когда будущий Николай Ленин⁴⁶ был еще приголовишкой — в 1879 г.

Вот когда все это уже складывалось в российском общественном сознании — либеральные и многозначные люди отлично представляли себе, что такое политическая партия в российском ее понимании.

Отсюда все и пришло.

И ушло.

Белый слон

Если Витгенштейн прав, и мир есть то, что в нем происходит, естественны предположения относительно автора, персонажей и зрителей происходящего.

В тоталитарном государстве сограждане видят в правителе автора, себя считают персонажами (и исправно играют свои роли), а извне за происходящим наблюдают недоумевающие, смеющиеся, возмущенные, но всегда заинтересованные зрители. Тоталитаризм потому и тяготеет всегда к формам закрытого общества, что зрители (туристы, журналисты) ему не нужны (невольно вспоминаются произвольные смешки, которые вызывала в зале реплика старого вождя каннибалов: «А нам свидетелей не нужно!»⁴⁷).

Этот политизированный пример отвечает общей тональности главы, на самом деле триединство автор — персонаж — читатель (зритель, слушатель) архетипично, идет из глубин, в которых только еще зарождалось представление обо всем происходящем с людьми.

И вот в игре, где участники (персонажи) налицо, налицо и зрители, вызывающим образом отсутствует автор. Все идет само. Невероятно. Бессознательно возникает ощущение, что Автор есть, что мы просто не знаем его замысла, но Он нас знает — и мы зываем к нему.

И зрители, и персонажи.

Я несколько утрирую, но побудительная сила игры и риска очень велика и обращает субъекта к трансцендентальному субъекту, обращает бессознательно, но — обращает.

«Когда-то Эйзенштейн говорил: если бы наши драматурги достигли такого совершенства, чтобы могли держать людей простейшим действием девяносто минут и чтобы те смотрели фильм так, как смотрят, когда по полю гоняют мяч, они были бы гениальны. Лучшая драматургия — это футбольный матч. Люди смотрят и не встают»⁴⁸. Почему же это происходит? Проще ответить: потому, что финал неизвестен. Но более обобщенным (и более правильным) ответом было бы: это игра.

Но позвольте — играют и на сцене, играют и актеры. Вне всякого сомнения. Но спортивные игры воспринимаются совершенно по-иному: если на театральной сцене происходит то, что выстроено в уме автора заранее, уже известно актерам и должно быть неизвестно только зрителю, то на стадионе идет игра, скрипт которой слагается на наших глазах; ход ее соответственно непредсказуем⁴⁹ и для игроков, и для зрителей.

⁴³ А отнюдь не «политика сегодняшнего дня, опрокинутая в прошлое», как учил М.Н. Покровский.

⁴⁴ Богомолов Ю. Краткий конспект длинной истории советского кино. 20–70-е годы // ИК. № 11. С. 19.

⁴⁵ Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 347.

⁴⁶ Подлинный псевдоним В.И. Ульянова.

⁴⁷ Человек ниоткуда. Мосфильм, 1964. Реж. Э. Рязанов, сценарий Л. Г. Зорина, в ролях С. Юрский, Л. Гурченко, А. Папанов, Ю. Яковлев.

⁴⁸ См: Ромм М. Возвращаясь к «монтажу аттракционов» // Кинематограф сегодня. М., 1967. С. 64.

⁴⁹ Именно ход. Когда играют две команды, одна из которых заведомо сильнее, финал с высокой вероятностью предсказуем; исход, но не ход. Так (давно это было), в игре футбольной сборной Северной Кореи с очень сильной тогда португальской командой счет в первом тайме был уже 3:0; второй тайм северокорейцы проиграли вчистую, сборная Португалии победила с общим счетом 4:3. Но был же этот момент, который ничего не изменил и который никто предугадать не мог!

В неравной мере. Кто же способен больше понять в игре: те, кто играют, или те, кто смотрят?

«Вот, наконец, мы подошли к тому, чем можем воспользоваться, конечно же, не для определения философии, а для оправдания настоящего труда, где перемешаны философия, история и всякого рода интересные случаи»⁵⁰.

Сказанное Мерло-Понти — и про эту книгу, ведь она тоже в защиту философии.

В античной Греции были зрители спортивных состязаний, которые «внимательно всматривались». Дословно они определялись как «теоретики», то есть не азартные, а всматривающиеся; то, чем они занимались, и было «теорией», а результат занятий теорией бывал феноменален — он позволял предвидеть ход и результаты игры.

Теоретик мог увидеть пространство возможностей и движение в нем лучше, яснее, чем практик. Это было началом нескончаемого спора: он неразрешим, но в нем нельзя не участвовать.

Игры бывают не только на арене. И не только на сцене.

«Игры есть игры для взрослых только, когда им присуща беспощадная серьезность. Относительные ценности приобретают реальность в меру давления среды, выносившей их в своем сознании. Заведомые пустяки становились атрибутом чести, заведомые условности оплачивались дуэлями или пулей в лоб. Сила давления среды определяется теми благами, которые среда может дать живущему по ее законам, тем ущербом, которые она может нанести. Это реальность»⁵¹.

Произнесено решающее слово: *реальность*. Это реальность.

Пространство возможностей, сгущенное на арене, сцене, доске, отличимо от течения событий в «жизненном пространстве», но неразъединимо с ним. Переход между ними существует.

Андрей Воронин, герой «Града обреченного» в таинственном Красном здании⁵² играет в живые шахматы с гениальным стратегом.

Фигуры стоят, как им полагается, на доске (или, точнее, на инкрустированном столике) — и вдоль стен зала, глядя на играющих.

Они мистически совмещены в двух позициях — на доске и у стены, и в обеих позициях они живы.

«Две пешки стояли друг против друга, лоб в лоб, они могли коснуться друг друга, могли обменяться ничем не значащими словами, могли просто тихо гордиться собой, гордиться тем, что вот они, простые пешки, обозначили собою ту главную ось, вокруг которой будет теперь разворачиваться игра. Но они ничего не могли сделать друг другу, они были нейтраль-

ны друг к другу, они были в разных боевых измерениях...» Так и должно быть согласно правилам игры.

Андрей играет своими близкими друзьями и смотрит уже «не на своих, а на тех, кем распоряжался его соперник. Там почти не было знакомых лиц, какие-то неожиданно интеллигентного вида люди в штатском, с бородами, в пенсне, в старомодных галстуках и жилетках, какие-то военные в непривычной форме, с многочисленными ромбами в петлицах, при орденнах, привинченных на муаровые подкладки...»

Откуда он набрал таких, — с некоторым удивлением подумал Андрей.

Игра разворачивается. Предложен ферзевой гамбит с неизбежной в этом случае жертвой. «Кто это? Красивое бледное лицо, вдохновенное и в то же время отталкивающее каким-то высокомерием, голубоватое пенсне, изящная вьющаяся бородка, черная копна волос над светлым лбом — Андрей никогда раньше не видел этого человека и не мог сказать, кто он, но был он, по-видимому, важной персоной, потому что властно и кратко разговаривал с кривоногим мужичком в бурке, а тот только шевелил усами, шевелил желваками на скулах и все отводил в сторону слегка раскосые глаза, словно огромная дикая кошка перед уверенным укротителем». Тот, в бурке, — командарм Первой Конной, бледный человек в пенсне — председатель Реввоенсовета республики.

Ферзевой гамбит принят.

«И Андрей снял с доски белую пешку и поставил на ее место свою, черную, и в то же мгновение увидел, как дикая кошка в бурке вдруг впервые в жизни взглянула укротителю прямо в глаза и оскалила в плотоядной ухмылке желтые прокуренные клыки. И сейчас же какой-то смуглый, оливковосмуглый, не по-русски, не по-европейски даже выглядящий человек скользнул между рядами к голубому пенсне, взмахнул огромной ржавой лопатой, и пенсне голубой молнией брызнуло в сторону, а человек с бледным лицом великого трибуна и несостоявшегося тирана слабо ахнул, ноги его подломились, и небольшое ладное тело покатило по выщербленным древним ступеням, раскаленным от тропического солнца, пачкаясь в белой пыли и ярко-красной липкой крови»⁵³.

Рамон Меркадер выполнил приказ.

Игра продолжается. Угрозу позиции Андрея Воронина создает белый слон: «одноединственное промедление, и белый слон вырвется на оперативный простор — он давно уже мечтает вырваться на оперативный простор, этот высокий статный красавец, украшенный созвездиями орденов, значков, ромбов, нашивок, гордый красавец с ледяными глазами и пухлыми, как у юноши, губами, гордость молодой армии, гордость молодой страны, преуспевающий

⁵⁰ Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996. С. 107.

⁵¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. Л., 1989. С. 265.

⁵² Символичен ли цвет этого четырехэтажного кирпичного дома — вопрос сложный. «А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома?» (А.П. Чехов. Полн. собр. соч. и писем. — Т. 12. — М., 1956. С. 238).

⁵³ Все сказанное вписывается в систему образов, а не фактов — все условно, трансформировано, подсвечено сознанием авторов. Реальность была точно организованной и зловещей — не ржавая лопата, а «малый ледоруб альпиниста» мелькнул тогда в воздухе. Это пишет организатор операции «Утка»: он знает. (См.: Судоплатов П. Спецоперации. М., 1997. С. 120.)

соперник таких же высокомерных, усыпанных орденами, значками, нашивками гордецов западной военной науки».

Среди первых пяти маршалов молодой армии этот — самый молодой. Четырехмоторные бомбардировщики, колесно-гусеничные танки, воздушно-десантные дивизии выдвигают РККА на первое место в мире — в 1936 г. Воронину удалось показать великому танкисту, что дальше ему не пройти. «И великий танкист понял это, и заблестевшие было глаза его снова сонно прикрылись красивыми тяжелыми веками, но он забыл, видимо, как точно так же забыл и вдруг каким-то страшным внутренним озарением понял Андрей, что здесь все решают не они — не пешки и слоны, и даже не лады и не ферзи. И чуть маленькая безволосая рука медленно поднялась над доской...»

И происходит то, что потрясло некогда весь мир: я хорошо помню титульный лист книги, на котором рукою ее автора зелеными чернилами (тогда автор ручки писали по преимуществу зелеными чернилами) было косо начертано: «The History stopped in 1936» («История остановилась в 1936»).

Да, было такое ощущение. И у многих — ощущение страха, недоумения, непонимания того, что происходит. Первое предложение «Логико-философского трактата» гласит: «Мир есть все, что происходит»⁵⁴. С 1936 г. мир стал терять имманентно ему присущее (в глазах марксистов) качество понятности.

«Андрей взглянул на великого танкиста и увидел в его серых прозрачных глазах тот же ужас и тягостное недоумение, которое ощущал и сам. Танкист, часто мигая, смотрел на гениального стратега и ничего не понимал. Он привык мыслить в категориях передвижений в пространстве огромных машинных и человеческих масс, он, в своей наивности и простодушии, привык считать, что все и навсегда решат его бронированные армады, уверенно прущие через чужие земли, и многомоторные, набитые бомбами и парашютистами, летающие крепости, плывущие в облаках над чужими землями, он сделал все возможное для того, чтобы эта ясная мечта могла быть реализована в любой необходимый момент... Конечно, он позволял себе иногда известные сомнения в том, что гениальный стратег так уж гениален и сумеет однозначно определить этот необходимый момент и необходимые направления бронированных ударов, и все же он ни в какую не понимал (и так и не успел понять), как можно было приносить в жертву именно его, такого талантливого, такого неутомимого и неповторимого, как можно было принести в жертву все то, что было создано такими трудами и усилиями...»

Конец. Он принесен в жертву истории. Не исключено, что движение в пространстве возможностей происходит на основе не известных еще нам принципов и один из них сработал, вызвал социальный пси-

хоз 1937—1938 гг. и в несколько месяцев уничтожил руководство самой мощной в ту пору армии в мире. Принцип этот, вероятно, состоит в сохранении разнообразия исторически (и этнически) определенных социальных единиц. Если бы он не сработал, история стала бы иной. Великий танкист и весь генштаб уничтожены. Позднейшие исследователи видят на страницах протоколов бурные пятна, и экспертиза подтверждает, что это пятна крови.

Ударом на удар. Теоретик контрудара маршал М.Н. Тухачевский не сомневался в том, что Германия совершит нападение на СССР, и возлагал большие надежды на колесногусеничные танки с противопульным бронированием. В основу их конструкции была положена закупленная у Дж. У. Кристи разработка «М.1931». Танки БТ-5 и БТ-7 шли на гусеницах по пересеченной местности и на колесах — по шоссе, достигая при этом скорости 52—90 км/час. Предполагалось, что противнику будет нанесен решительный контрудар, БТ помчатся по бетонированным автострадам Германии, пронзят ее правым флангом — через Пруссию, левым — через Баварию, и гигантские клещи сомкнутся у Рейна, в восставшем Рурском бассейне.

Ничего принципиально неисполнимого в этом замысле нет. Но БТ суждено было показать себя не на автострадах — в монгольских степях, а Тухачевскому не довелось сразиться с теоретиком танкового удара Гейнцем Гудерианом. Будущее никогда не приходит таким, каким его ожидают. БТ-5 стоит на постаменте где-то у озера БуирНур.

Неосуществившимся возможностям редко ставят памятники, но в данном случае это произошло.

Метафизика игры

Теперь — еще раз — мы передаем слово А и Б. Теперь они обсуждают метафизику игры.

Но раньше напомним читателю слова Шиллера: «Человек играет только тогда, когда он в полном смысле слова человек, и он бывает вполне человеком, только когда играет».

А. пишет статью. Б. подходит и заглядывает через плечо.

Б. «Метафизика игры»... Почему метафизика?

А. Потому что после физики.

Б. Не понял.

А. Я еще не закончил. Не мешайте, ради Бога. Возьмите британскую энциклопедию и посмотрите.

Б. И посмотрю! (*Берет толстый том.*) «Мета та физика...» ... действительно, по расположению этого рода трудов в сочинениях Аристотеля. Под физикой подразумевалось учение о предметном природном мире. Названия для трудов, следующих далее... так... подобрать не удалось, и они были названы просто «после физики», но смысл сводится к тому, что есть наука, изучающие...

⁵⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Работы по философии. Ч. 1. М., 1994. С. 5. (Первый вариант перевода: «Мир есть все, что имеет место» действительно менее удачен.)

А. Нет, я вижу, дописать не удастся. Разрешите... (забирает книгу). Есть науки, изучающие предметы и идущие от отдельных явлений к их общему смыслу — так сказать, от периферии к центру. А есть учения, идущие от центра к периферии, от смысла — к множеству предметов. И это — метафизические учения.

Б. То-то не любим мы метафизики! Периферия вообще центр не любит, а если уж он что объяснять возьмется — пиши пропало.

А. Милый друг, вы воистину наш современник. Аналогии впечатляющие, но ни к чему они здесь. Нет, не учение тщусь проповедовать. Просто речь у меня идет о смысле, общем смысле того, что именуется игрой. Не об отдельных каких-то играх, но об Игре. С большой буквы.

Б. Если б я и вправду хотел вам мешать и плоско шутить, то сказал бы, что только одну Игру с большой буквы знаю — городок в России.

А. Да ну? Вот не слышал!

Б. Тем не менее есть такой. Но будем серьезнее. Ведь я действительно сомневаюсь, что есть общее между военно-спортивными играми, покером, игрой актеров, игрой в классики, когда дети прыгают на одной ножке по расчерченному асфальту... (*берет у А. рукопись, проглядывает ее*). Да, я вижу вы и про это пишете...

А. Естественно.

Б. (*читает вслух*) «... и когда у Эдварда Радзинского один из его великолепных и жалких героев восклицает: “Я любил ее, между нами была игра!”, а у Киплинга старый разведчик говорит Киму: “Ты играешь в большую игру”»... Позвольте, вот уж совсем разные вещи. Ну ничего общего. Только слово «игра» и совпадает.

А. Вы думаете?

Б. Я уверен. Что имеется в виду у Радзинского, я понимаю очень хорошо. В народе «игрой» называют плотскую любовь в том ее варианте, когда она увлекает обоих ее участников и доставляет им наслаждение, которое они искренне разделяют. Вариант не такой уж распространенный, но это к слову. А у Киплинга речь идет о том, что разведка — это сложнейшая форма деятельности, основанная на взаимодействии и борьбе двух тайных команд, где роли и личности участников меняются. Где одному узнать другого — это спастись, а то и проиграть, погибнуть... Да и мало ли еще значений у слова «игра»! Сегодня я читал в газете об игре на фондовой бирже...

А. На бирже надо играть; утверждают, что это увлекательно. Впрочем, говорил я как-то с синьором Р., и он сказал мне, что выигрывает на бирже. «Да, — сказал я, — но, значит, кто-то проигрывает!» — «Но есть же безумцы», — спокойно ответил Р.

Б. Это вселяет надежду. Я чувствую себя душевно вполне-вполне здоровым... Но к делу.

А. Хорошо, к делу. Пояснения ваши я принимаю целиком. Они помогут осветить игру именно мета-

физически — со стороны смысла ее существования. Ю.М. Лотман, великий семиотик...

Б. Кажется, я видел его на телеэкране. Он читал проповедь... как неудачно, мертвенно это выражение! Он произнес слово и о нравственности, читал лекцию о русской культуре. Внушительный, странно напоминающий Эйнштейна и доброго провинциально-го доктора одновременно. Вы его упомянули?

А. Да. Он видит в игре род деятельности, в котором главное — процесс, а не продукт. В этом, по Лотману, суть игры. И сказанное вами о том, что народ называет игрой эротическую сторону⁵⁵ семейных отношений, отлично это подтверждает. Ведь природа построила отношения между полами так, что процесс здесь привлекает бесконечно сильнее, чем продукт. Не столь уж много запланированных и своевременно ожидаемых чад катают мамы в колясочках по улицам. Большая часть из них возникла как нечто неизбежное и в то же время случайное. В знаменитой «Love story» Эрика Сигела очень точно показано, что когда Оливер Баррет и Дженни захотели ребенка, и это никак не выходило, первоначальное непередаваемое ощущение исчезло. («Может быть, лучше утром, милый?» — и момент плана уже бросал свой отсвет туда, где света быть не должно). В «Сексплозии» Лема рисуется ситуация, в которой эротический, именно игровой момент любви внезапно у всего человечества исчез, хотя способность к деторождению полностью сохранилась. И тотчас же все, кроме японцев, вообще перестали этим регулярно заниматься...

Б. Почему кроме японцев?

А. Этот народ знает, что такое долг перед нацией и империей, другим это уже недоступно. Все стали видеть в этом нечто неприличное и тяжелое, хотя необходимость понимали... Исчезла игра — вот последствие.

Ким, точнее, Кимбол О'Хара, как истинный ирландец и настоящий игрок, считал сребреники наименее важным элементом игры. Главное — это ни с чем не сравнимое наслаждение, которое заключается в том, чтобы стать другим и победить рискуя.

Б. Погодите. Здесь чувствуется что-то особое — мы об этом не говорили совсем.

А. Не говорили. Риск. Вот что накрепко связывает игру, играющих и действительность.

Б. Не улавливаю. Давайте обсудим подробнее — при чем тут риск?

А. Видите ли, моя гипотеза состоит в том, что игра способна создавать особый мир, который временно, в силу принятых участниками игры условий и по мере исполнения ее правил, становится таким же значимым, как действительный. Это модель отношений и действий, совершаемых в реальном мире. Это модель происходящих в нем событий — вспомните азартные игры и роль в них случая...

⁵⁵ Психологи исследуют эту игру достаточно тщательно, см., например, *Harnish R., Abbey A., De Bono K. Toward an Understanding of the Sex Game. The Effects of Gender and SelfMonitoring on Perceptions of Sexuality and Likability in Initial Interactions // Journal of Applied Social Psychology. 1990. V. 20. № 16. P. 1333–1344.*

Б. Тут дело не только в моделировании роли случая. Акутагава писал, что борьба со случайностью, то есть с Богом, полна мистического величия. Тут случай — это рок, неодолимая и непредсказуемая сила.

А. Вы коснулись главного. Игра создает не только модель мира — она включает меня в этот мир. Вы поняли? Я становлюсь частью этой действующей модели, моя деятельность — двигатель модели, я-в ней.

Б. Риск? При чем тут риск?

А. Я же пытаюсь объяснить, а вы меня все время перебиваете.

Б. Хорошо, не буду. Но ответов на вопросы — зачем игра и почему рискую — я не получил, и есть ли они в вашей рукописи, я так и не понял.

А. Отвечаю. Функций игры несколько. Видов игры — много. Но назову функцию тренинга как одну из существенных для многих видов игры.

Б. Маневры, спорт — вы про это? Я вчера прочел шведский анекдот: на маневрах десантники прыгают с парашютом, вот уже последний у люка, и вдруг инструктор как завопит:

— Десантник Пэрсон! Вы с ума сошли? Вы без парашюта!

— Ну и что? Это учения, а не война!

А. Это и есть ответ. Если бы не было той необходимой доли риска, которая заключена в прыжке, тренирующей роли маневры не сыграли бы.

Б. Не все же с парашютами прыгают.

А. Генерал Драгомиров когда-то предлагал на каждых сто холостых патронов на маневрах вкладывать один боевой. Тогда, считал он, маневры станут настоящей школой.

Б. Нет, это уже не игра.

А. Как сказать! Дуэль тоже игра. Просто в нашей культуре это в высшей степени опасная игра, а, например, французская дуэль по традиции не столь рискованна, как русская. Впрочем, я не оправдываю и не защищаю идеи Драгомирова. Важно другое. Мир игры должен быть сцеплен с миром реальным. Есть в технике такое понятие — сцепной вес. У паровоза большой сцепной вес. Он удерживает этот гигантский механизм, эту махину на рельсах. И он может тянуть за собой состав. Сцепной вес игры — риск. Он прочно соединяет игру с жизнью.

Б. Вавилонская лотерея?

А. Вы мне про общество рыночной экономики рассказываете?

Б. Конечно, Борхес все утрировал и заострил, но наше общество впало в застой сразу, как исчез риск, и безумно летело вперед (сейчас это отрицают по нравственным соображениям, но это правда), когда гибли в антилотерее тысячи и сотни тысяч. Путь, о котором говорил Черчилль, — путь от сохи до водородной бомбы — был пройден за поразительно короткий срок, ибо антилотерея работала во всю силу, это было царство риска. Риска для всех: «Это такие органы, что и у меня обыск могут сделать», — спокойно ска-

зал Сталин взбешенному Орджоникидзе. «Год назад я мог арестовать весь ваш пленум!» — бросил Ягода, когда его исключали. «Год уже прошел», — негромко ответил Сталин. Царство риска, лишенное, казалось бы, смысла, но способное вызвать и напряжение сил и породить фатализм и взлет интеллекта...

А. Даже так?

Б. Да. Я же историк, как вы знаете, и вот — это заинтересовало бы специалиста по семиотике — не мог разобраться в знаке, нанесенном на хвостовое оперение одного из лучших самолетов конца 20-х годов... собственно, уже в начале 30-х годов он испытывался. Очень странный знак, не звезда, не цифра, как было положено. Вензель какой-то... Потом выяснил. Это была монограмма ВТ — внутренняя тюрьма. Его и проектировали там⁵⁶, во внутренней тюрьме Особого государственного политического управления — и его руководитель сфотографировался вместе с заключенными в изоляторе. Он был доволен...

А. Прошу вас, не надо больше об этом.

Б. Почему же? Апологету риска это наверное любопытно. Ладно, я не буду больше вас перебивать. Скажу только, что роль риска вы преувеличили, и очень сильно.

А. Пугают ваши истории. Если же вернуться к игре, и надо, надо вернуться, то я не слишком уж преувеличиваю. Дело в том, что существует класс игр, в которых смертельная опасность имитируется. Вы даже и не догадываетесь, как это распространено — в религиях, в театре, в кинематографии, кровь льют и пьют...

Б. Пьют?

А. Конечно же, это имитация — пьют вино, однако это должно напомнить о действительно пролитой крови... А классика? В одном «Гамлете» шесть трупов. Но самое важное — это наблюдательное участие. Десятки тысяч... Что я говорю... — сотни тысяч людей смотрели, как гладиаторы убивают друг друга, и смотрят, как бык убивает матадора...

Б. Что же, и смотреть нельзя?

А. Я именно хочу сказать, что функцию двигателя здесь выполняют те, кто включен в систему игры на уровне наблюдения.

Б. Если я правильно понял, имитация риска здесь тоже привязывает мир игры к действительному миру? А риск в рыночной системе экономики вводится как игровой стимул участия? А поэтому есть возможность разбогатеть внезапно, сильно — это встроено в правила игры?

А. Это выигрыш.

Б. Хорошо, но зачем вообще этот игровой мир, зачем игра?

А. Игра создает равномогущий действительному мир. Не равный ему по гигантским размерам и разнообразию. Но по значению он — в силу принятых условий — не слабее для тех, кто играет. Вот, собственно, в этом и суть.

⁵⁶ Не исключено, что вы уже догадались, кто его проектировал — Н.Н. Поликарпов. Потом он вышел на свободу, сконструировал И-15, И-16, И-153 и стал «королем истребителей». Что было потом, вы уже знаете.

Б. То есть — вы меня поправите, если что не так — как самый что ни на есть действительный мир нас бьет, вознаграждает, радуется, печалит, обманывает, ошеломляет, так и игра...

А. Перебью, не перечисляйте. Да. Но и еще есть нечто, не знаю даже, говорить ли вам, — не поймете...

Б. Почему это?

А. Вы обиделись. Я не хотел сказать ничего, что задевало бы вас лично. Но просто у вас склад ума такой. Ладно, скажу. Игра — есть такое предположение — это способ существования иного мира, и при этом только лишь один из таких способов. Есть и другие способы. Есть и тот мир.

Б. Я все-таки, простите, не понял. Вы считаете возможным существование иного мира? Мира, в который мы уходим после смерти? Я думаю, что это прежде всего бездоказательно.

А. Что это значит — бездоказательно?

Б. Это значит, что мы не располагаем доказательствами существования иного мира, и любые разговоры о нем — это пустая, наводящая тоску игра ума.

А. Ну почему же «наводящая тоску»? И о каких доказательствах вы ведете речь?

Б. Не об умозрительных. Это вопрос факта. Вам что — кто-нибудь рассказывал о том мире?

А. Я отвечу вам притчей. В утробе матери один близнец спрашивает другого: «А что будет потом? Неужели и правда есть иной мир?». Другой отвечает: «Маловероятно. Во всяком случае никто оттуда не возвращался».

Б. И вы хотите сказать...

А. Хочу сказать.

Конец истории?

Любые человеческие чувства и мысли бессмертны, пока жизнеспособно человечество, пока оно движется в историческом пространстве и времени.

Историческое время и историческое пространство не тождественны физическому или географическому.

Исторически отдельные годы могут значить больше иных веков. Это хорошо известно и теоретикам исторического процесса, историософам, и историкам, детально знающим те или иные эпохи и периоды в развитии народов и государств.

Хронотоп процесса, в котором складывалась и, кажется, еще продолжает складываться евразийская цивилизация, размещен в историческом пространстве, которое простирается в Восточной Европе, Кавказском регионе, Северной и Центральной Азии. Его историческое время еще предстоит определить. Во всяком случае, недавние исследования показали, что генетическое родство различных по антропологическим, культурно-языковым и иным параметрам народов выражено как будто бы более отчетливо, чем это

предполагалось ранее, и это позволяет задуматься над биосоциальными предпосылками процессов, которые стали разворачиваться в исторически гораздо более поздние времена.

Вообще вопрос о механизмах исторического процесса, неминуемо сближающих те или иные этнические, культурные и геополитические образования, изучен еще очень и очень слабо. Сказанное не означает, что их исследовали мало, просто интерпретаторы фактов чаще всего противоречили друг другу. Тем не менее «серийная история», «психоистория» и ряд других направлений научного исследования дают основания надеяться, что анализ истории как процесса сулит ученым многое. С одной стороны, существуют и неизвестные фактические аспекты происходивших в давнем и недавнем прошлом исторических явлений, а с другой — есть очень широкие концептуальные возможности. Если законы истории все-таки существуют, они надличны. Несмотря на то, что роль человека в истории гораздо выше, чем еще недавно было принято полагать, несмотря на то, что воля индивида может направлять судьбы миллионов, есть, по-видимому, такие направления ветвящегося движения истории, которые необратимы.

Вопрос состоит в том, будет ли продолжаться ее движение.

На движение истории смотрели по-разному.

Истории зловещий трюм,
Где наши поколения маются,
Откуда наш шурумбурум
К вершинам жизни поднимается
И там, на девственном снегу
Ложится черным слоем копоты...
Довольно. Больше не могу.

Поставьте к стенке и ухлопайте⁵⁷.

Тех, кто смотрит на историю именно таким образом, может успокоить мысль о том, что истории приходит конец. Не человечеству. Истории человечества.

Концепцию, согласно которой история человечества завершается, по традиции, успевшей сложиться очень быстро, связывают с именем Фрэнсиса Фукуямы. Между тем пророческие слова «история прекратила течение свое» начертаны на последней странице «Истории города Глупова». Неужели глупость утратила свое предназначение⁵⁸?

Отнюдь нет.

Просто там, где нет ума, нет и глупости. Место ума постепенно занимает переработка информации, место глупости — ошибочные решения, место мудрецов — эксперты, место государств — транснациональные корпорации, место искусства и литературы — телевидение, место труда и творчества — работа и торговля. Ф. Фукуяма, правда, признает, что «сохранится высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире»⁵⁹. Но в целом «конец ис-

⁵⁷ Стихи Георгия Иванова.

⁵⁸ См.: Лем С. Глупость как движущая сила истории // КП. 1991. 26 февраля.

⁵⁹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. М., 1995. С. 310.

тории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?»⁶⁰.

Преувеличений тут немало. А все же главное сказано: риск ради высокой и отвлеченной цели, столкновение идей, требующее мужества и воображения, сейчас отошли в прошлое. Их место занимают проблемы экономические, технологические, в лучшем случае — экологические, и это надолго, если не навсегда. Так полагают те, кто считает, что либеральное государство, может быть даже всемирное, есть потолок политического развития человечества.

«Я, как и Фукуяма, убежден, — говорил Витторио Хесле, — что либеральное государство есть высшая форма государства»⁶¹. У меня же любые высшие формы (и у Гегеля, и у Маркса, и у А. Кожева) вызывают интуитивное чувство недоверия. Ведь высшая форма часто изображалась и интерпретировалась как последняя, как бы не имеющая исторического продолжения.

Между тем история заключена не только в том, что кончилось, но и в том, что продолжает существовать.

В истории многое исчезнувшее на юридическом и социально экономическом уровне продолжается. Живет в людях.

Любая раскрытая тайна — это история, любая объясненная тайна — наука.

Задача естествоиспытателя — открыть то, что уже существовало давным-давно и будет существовать бесконечно долго.

Задача историка — раскрыть, найти то, что уже не существует. Узнать нечто о том, чего уже нет.

Задача философа — раскрыть природу осуществимого.

И то, чего уже нет, и то, что только еще будет, — не более чем возможность.

В сущности, Фукуяма, ставит вопрос о самопроизвольном ограничении исторически осуществимого, ограничении искусственном, вызванном подсознательным страхом перед неконтролируемыми воз-

можностями индивидов и малых групп. Он предполагает, что в обществе, построенном по принципу удовлетворения «изоощренных запросов потребителя» и тщательной охраны памятников культуры прошлого, произойдет вытеснение возможностей, угрожающих иллюзии всеобщего благосостояния.

Там, где кризис реален и еще не преодолен, подобного рода иллюзии выглядят достаточно отвлеченными от действительности.

Результаты приобщения к цивилизованному миру задают новые стандарты качества жизни и одновременно несколько разочаровывают.

В 1934 г. Павел Антокольский писал:

Спорт, реклама, бандитизм и деньги
И повсюду скука. Но не та,
От которой байронисты-дэнди
Зло кривили юные уста,
А другая — грубая, как похоть,
Ввергнутая в ресторанный лягз.

Все очень похоже. Ничего не изменилось. Правда, тогда телевидения не было. А сегодня? Включите телевизор: спорт, реклама, бандитизм и деньги. И повсюду скука.

Да, повсюду. И по ту сторону экрана, и по эту.

Заметьте, и Фукуяма это чувствует. И даже полагает, что в угрозе скуки таится возможность нового старта истории.

Кто знает?

Может быть, она и вправду завершается — старая история человечества, история, которой нас учили, история, в которой мы жили.

Не знаю, как вам,

А мне наскучил тарарам
Этих побед и поражений.
Мне жаль коня! Мне жаль любви!
И на манер средневековый
Ложится под ноги мои

Лишь след, оставленный подковой⁶².

Это великий символ — подкова, недаром о ней говорят, что она приносит счастье. Подкова — *media*, средство и посредник между живым существом и веществом, по которому пролегла дорога, протянулся путь.

Не такова ли культура?

Отношение человека к человеку опосредовано языком, отношение человека к предмету труда — орудием труда, отношение человека к товару — торговцем. Даже отношение человека к Богу бывает опосредовано священнослужителем. В культуре отношение опредмечивается. Культура опосредует, это ее способ существования.

Она раздваивается.

Предмет остается. Способ его изготовления, применения уходит в будущее. Самое кратковременное здесь — жизнь, подкова способна пережить и коня и всадника. Но пути не исчезают. На них остаются, отпечатки, следы.

⁶⁰ Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. М., 1995. С. 310.

⁶¹ Хёсле В. Абсолютный рационализм и современный кризис // ВФ. 1990. № 11. С. 107.

⁶² Стихи Б. Ахмадулиной.

Историк рассматривает следы и руины. Он понимает: от прошлого остаются одни обломки.

Говорят, что из них и слагается история.

Верно ли это?

Это смотря какие обломки.

Михаил Бакунин говорил, что от свободы нельзя отломить ни кусочка: она вся в этом кусочке оказывается.

Но ведь и от правды ничего нельзя отламывать: она вся окажется спрятанной в этом обломке.

Но как бы ни прятали обломки того, что осталось от происшедшего на самом деле, они все равно остаются и их находят.

Вот из таких обломков прошлого и складывается настоящая история, правдивое повествование о том, что было.

Новая эпоха?

Глава Итальянского астрологического центра Серена Фолья говорит, что, когда люди счастливы, они редко обращаются к астрологам, полагая, что в них нет нужды. Но сейчас на интерес к астрологии влияет то обстоятельство, что наступает конец определенной эпохи. И не просто конец второго тысячелетия. «Как всем известно, скоро завершится эпоха Рыб. В самом деле, около 2000 года начнется эпоха Водолея, которая в свою очередь продлится два тысячелетия. Каждая эпоха является двенадцатой частью большого космического года (24 тысячи лет) и считается, что каждая эпоха выражает ценности соответствующего астрологического символа. Эпоха Рыб, в последние годы которой мы живем теперь, была христианской эпохой. Небесполезно вспомнить, что Иисус называл себя ловцом человеков, что апостолы были рыбаками, что рыбы были символом, служившим первым христианам для того, чтобы они могли узнавать друг друга»⁶³.

Эта эпоха кончается.

В эту эпоху слово «суд» имело значение особое. Вывести нечто значительное из мира возможного в мир действительного в состоянии только Бог или природа

(зачатие, рождение, смерть). Одни утверждают волю божью, другие — законы природы, но какой-то силе всегда приписывается этот сакраментальный переход. Общество берет на себя смелость устанавливать истину и переводить возможное в реальное путем суда. Суд — это процесс, в котором по воле людей решается, что справедливо, а что нет⁶⁴. Тайный смысл раннего христианства заключался в полном отвержении суда человеческого, рассказывалось о том, как люди судят сына Божьего, присваивая себе полномочия Бога; между тем единственный настоящий суд есть суд божий.

Сравните это с тем, как индустриальное общество стремится присваивать себе полномочия природы; природа чаще всего знает лучше.

Вечность человеческой несправедливости показана в крепко сделанной новелле Гарри Кильворта «Пошли на Голгофу»⁶⁵. В далеком будущем туристические поездки совершаются с целью осмотра природных и исторических достопримечательностей — все, как и сейчас — но транспортные средства более совершенны. Благодаря машине времени в число привлекательных объектов туризма вошли исторические события. Тур во времени позволяет, например, присутствовать при распятии. Естественно, надо облачиться в одежды жителей древнего Иерусалима, выучить несколько слов по-арамейски и не мешать ходу истории: пусть распинают, раз уж это было. Туристы облачаются, туристы прибывают, они не мешают ходу истории, а даже участвуют в ней, увлеченно поддерживая хорovou вопль «распни его». Они видят все и в должной мере потрясенные возвращаются в свое время. Но один из них потрясен по-настоящему.

Он увидел и он понял: на площади были одни туристы. Иудеи сидели дома. Это туристы вопили «распни его».

Распятие тем самым становилось вечным.

Сопутствующим всей истории.

Но скорее всего это — взлет воображения, порожденного эпохой Рыб.

А наступает новая эпоха. Можно считать, что и Водолея. Неважно, как она называется.

Важно, что — новая.

Chapter 5 "Carousel of History" from the book *The Space of the Possible*¹

А.А. Brudniy

---

⁶³ Выступление С. Фольи по туринскому телевидению приводится по примечательной работе Цецилии Кин (*Кин Ц. Своими глазами* // ВЛ. 1983. № 12. С. 105).

⁶⁴ Были некогда ордалии, основанные на древнем опыте попыток вопрошать Бога о вине отдельных лиц, но они требовали мировоззрения, целиком основанного на вере, а разум с ней мириться не хотел и не стал. Были разработаны законы, которым должны следовать судьи, подсудимые, все. Но судьи — люди, и многие из них склонны ставить интересы власть предержащих выше самых разумных законов.

⁶⁵ *Kilworth G. Let's Go to Golgotha*. Премия конкурса, организованного «Sunday Times». Уэллс остался бы доволен таким развитием темы «Машины времени».

⁶⁶ Slightly abridged version.